

Виталий Сыров

*Повести
и рассказы*

Первый том

Виталий Сыров

Повести и рассказы. Том первый

«Издательские решения»

Сыров В.

Повести и рассказы. Том первый / В. Сыров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939305-0

Повести и рассказы автобиографичны. 15-летний юноша возобновляет дружбу с подругой детства, прерванную его переездом в другой город. Но он с первого взгляда влюбляется в молодую женщину. Страстное желание признаться в любви сдерживает разница в возрасте. Юноша пытается подавить в себе влюблённость, понимая, что нет надежд на взаимную любовь. Но порой ему кажется, что молодая женщина тоже равнодушна к нему. И теплится надежда на взаимность. Надо только признаться в любви и облегчить душу.

ISBN 978-5-44-939305-0

© Сыров В.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	6
Пролог	6
Глава 1.1	8
Глава 1.2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Повести и рассказы Том первый

Виталий Сыров

Иллюстратор Виталий Витальевич Сыров

Дизайнер обложки Виталий Витальевич Сыров

Иллюстратор Анна Витальевна Сырова

© Виталий Сыров, 2018

© Виталий Витальевич Сыров, иллюстрации, 2018

© Виталий Витальевич Сыров, дизайн обложки, 2018

© Анна Витальевна Сырова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9305-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-9306-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

повесть

часть первая

Пролог

Я родился в 1957 году. Мой родной город тогда назывался Свердловск.

До 1969 года мы жили в этом областном центре. Жили вчетвером. Четвёртой была моя бабушка по материнской линии. Квартира была коммунальной и состояла из трёх комнат. Мы занимали две.

Коммунальная квартира, ласково называемая в простонародье коммуналкой – это жилище на несколько хозяев. В ней общими являются все помещения, кроме жилых комнат. Прихожая, кухня, санузлы – всё общее. Приборка и содержание мест общего пользования производилась совместно, по очереди.

Кто жил дружно, кто-то ругался, кто-то влюблялся. Так жили и мы, поддерживая санитарно-гигиенические условия и комфорт в нашей квартире. За счёт бабушки! Я пошутил.

Бабушка моя была человеком неконфликтным и добродушным, но в вопросах чистоты и порядка была непреклонна, являясь непримиримым врагом неряшества и бардака. Поэтому у нас всегда царили чистота и порядок. Не трудно догадаться, что эта непримиримость, порой, создавала некую напряжённость в отношениях с неряшливыми соседями. Особый шарм квартире придавал кот по кличке Яцек. Он был любимчиком у всех наших соседей. Хоть и плут был отменный.

Кот Яцек. Слизирует с плиты сбежавшее молоко.

Весной 1969 года отчим, к моему огромному сожалению, принял решение сменить место жительства. Причиной стала его новая работа в небольшом элитном городке в шестидесяти километрах от областного центра.

Я устроил бунт, но его подавили. Мне даже не дали закончить пятый класс, и с последней четверти я уже ходил в другую школу в том маленьком городишке. Тогда это ещё был полузакрытый посёлок Заречный – посёлок энергетиков Белоярской атомной электростанции.

Бабушка осталась одна в двух комнатах. Комнаты были смежными, с выходом в узкий коридор, напротив двери в ванную комнату.

Отдельный вход был у соседей и выходил в огромный коридор, по размеру, как большая комната, только без окон.

Кухня была около шести квадратных метров. Не разойдёшься, пусть в тесноте, но с газовой плитой. Так жили многие люди той эпохи.

В то время нашим соседом был одинокий мужчина. Среднего роста, проявился уже пивной животик. Был он скрытный, нелюдимый, незаметный. В квартире только ночевал. Кухней не пользовался, разве только утром или вечером заходил чайник разогреть. Был опрятен и чистоплотен. Баб в дом не водил. А бабушке давал три рубля в месяц в качестве компенсации за мытьё полов в местах общего пользования.

Не смотря на его нелюдимость и кажущуюся строгость, мне он был интересен тем, что он виртуозно играл на гитаре и трубе. Знал три языка: английский, немецкий и французский. На полках книжного шкафа стояли книги на иностранных языках не советского издательства. В книгах были вложены закладки и сделаны карандашом пометки на полях. А потому было видно, что книги читали, а не украшали ими интерьер.

Я был вхож в его личное пространство – в его комнату. Обычная комната закоренелого холостяка с минимум мебели.

Возможно, ему нравилась моя пытливость. Я, по наивности, часто обращался к нему с некоторыми вопросами. Кругозор его, казалось, был безграничен. Так и завязалась дружба.

Я, приезжая к бабушке на каникулы или по выходным, он учил меня игре на гитаре и английскому языку. Консультировал по радиотехнике, которой я занимался в радиоклубе с середины шестого класса, не зная ещё из физики ничего про электричество. Уж очень сильно меня тянуло к тайнам радиотехники и радиосвязи. Так сосед, чужой человек, вносил свою лепту в моё самообразование и расширение моего кругозора. Хороший был мужик. И обладал он талантом преподавателя. Я бы не отказался от такого отца.

Мой же отчим не имел ничего общего с ним. Ну, подумаешь – красавец. А руки не к тому месту пришиты и кругозор нулевой. Но добрый и не скупердяй. Это устраивало мать, да и меня тоже. На безрыбье и рак рыба. Я, конечно, опять шучу. Я ему благодарен.

Годами позже до меня дошла информация, что наш сосед был агентом КГБ. Карьера его оборвалась в Лондоне. Тогда он работал в советском посольстве. Был объявлен персоной «нон грата» и выдворен из Англии в двадцать четыре часа. Закончил свою карьеру в звании капитана КГБ и работал рядовым инженером в отделе труда и зарплаты на заводе. Ничем не приметный, обычный советский человек.

Но бывших КГБэшников не бывает, а потому думаю, что кроме учёта трудодней заводчан, выполнял и другую работу. Читатель догадался, да?

На публике его можно было увидеть на похоронах, играющим в духовом оркестре. Зарабатывал свою «трёшку» за ритуал.

Много воды утекло с тех пор. Потому диалоги уже не могут быть воспроизведены дословно. Но они несут смысл сказанного и сохранена манера говорящего. Мальчишеские выводы тех лет поменялись, вплоть до разворота на сто восемьдесят градусов или утвердились окончательно.

Глава 1.1

Заканчивалась вторая декада июня 1972 года. Позади восемь классов. Свидетельство об окончании восьмилетки на руках. Без троек.

Многие ребята из класса покинули школу. Не все семьи имели возможность дать детям десятилетнее образование. Были и ребята из неполных семей. А некоторые ребята сами не хотели учиться. Рвались в большую жизнь.

В нашей семье и разговоров не было о том, где мне продолжить образование. Только десятилетка. Этого хотела мама. Да и в авиацию, куда я мечтал с раннего детства, восьми классов было бы недостаточно. Родители не препятствовали моему выбору.

Впереди всё лето! Я еду в город к бабушке. Кто-то ехал к бабушке в деревню, я же, наоборот – в большой город. Там больше друзей.

Прихватил с собой гитару, на которой начал играть с шестого класса. Благодаря упорству, усидчивости и кружку гитаристов при дворце культуры с прекрасными преподавателями, я за два года неплохо продвинулся.

Умчался первым автобусом. Утро было тёплое и солнечное. В открытые окна автобуса влетал тёплый ветерок, хлопали занавески. За окном автобуса проносились поля и перелески. Мелькали домишки деревенок и мостики через речушки, которые летом были больше похожи на ручьи.

Деревня уже проснулась. Дорогу нам преградило стадо коров. Нехотя они переходили проезжую часть. Подпаски – мальчик и девочка, наверно, моего возраста, подгоняли ленивых коров. Верхом на коне появился мужчина. Он хлопнул плетью и стадо зашевелилось. Дорога свободна. Пастух прищпорил коня и помчался по обочине на перегонки с нашим автобусом. Водитель принял вызов пастуха, и через несколько секунд наш железный конь далеко вырвался вперёд. Где-то на развилке дорог прихватили попутных пассажиров.

Душа ликовала в предчувствии свободы.

Знал бы я тогда, хоть намёком, навстречу чему мчит меня ранним утром ЛАЗ-695.

Прибыли на автовокзал. Ещё минут сорок на троллейбусе, пять-семь минут пешком, и я влетаю в подъезд, чуть не сбив с ног выходящую девушку. Извинился на ходу, даже не взглянув, кого протаранил, едва не размазав её по стенке.

Ещё в троллейбусе мочевого пузыря призывал мою совесть лопнуть, а его пожалеть, то есть выйти из троллейбуса и побежать в кусты у какой-нибудь ближайшей остановки. Потому и летел как пуля.

Ткнулся в дверь квартиры. Слава богу, дверь уже была открыта. И в туалет... Успел: и совесть не лопнула и пузырь цел.

Вот так ранним утром я прибыл домой, продолжая по-прежнему называть квартиру в городе домом.

Тут всё моё. Здесь моя Родина. Друзья, свобода. А ещё: хорошая девочка Оля в нашем подъезде на втором этаже.

Гитару вёз с собой, чтобы показаться ей. Да ещё утереть ей нос тем, что я тоже не лыком шит и могу играть на гитаре современные песни, а не пищать на скрипке нудные гаммы и скучные произведения классиков.

Оля моя подружка. Мы росли в одном дворе, рылись в одной песочнице и бегали по крышам сараев, и, до моей насильственной отправки в ссылку в деревню, учились в одной школе в параллельных классах. Ссылкой я называл переезд. На зависть её одноклассников, я имел возможность носить Олин портфель.

В те, шестидесятые, для пацанов это дорогого стоило, и не каждая девочка могла позволить такое. Грозило услышать вслед от острословов расхожую поговорку: – «Тили – тили тесто, жених и невеста». Но Оля доверяла мне свой портфель безо всяких комплексов. Короче, проблем в общении с Олей не было. А после минувших зимних каникул, проведённых вместе, я понял, что мой переезд лишил меня общения с другом. И теперь я очень хотел видеть её.

Но вернёмся к повествованию.

Осматриваюсь в прихожей. Появился холодильник. И обувная полочка. На ней одна пара женских туфелек. Размер туфелек в пору для Золушки.

Бабушка, не дав передохнуть, начала рассказывать, что сосед съехал, что вернулся к жене, которая его оставила лет пятнадцать назад. Это всё, что мы знали от него самого.

Бабуся села на стул и выдохнув, с сожалением сказала:

– Переехал Лёня-то. Жена забрала к себе. Умный, вроде, мужик, а квартиру сдал заводу. Мог бы разменять квартиру жены и эту комнату. Так сдал, дурачок. Дочь ведь есть, позаботился бы о ней.

От этой новости я расстроился. Хоть сосед мне в отцы годился, а я будто теперь потерял хорошего друга.

– А ты то, чё переживаешь? – спросил я.

– Так ведь такой удобный сосед то был, – с сожалением произнесла она.

Потом приободрилась.

– А ты рад будешь новому то соседу! – с таинственной улыбкой сообщила бабуся, – лёгчик он.

– Мне с того что? На самолёте, что ли новый-то сосед меня катать будет? – мелькнула голове мысль.

Но бабусину информацию принял к сведению. Сосед-лётчик – это может быть очень интересно.

Решил пошутить:

– Ага, в женских туфельках ходит. Как не обрадоваться.

– Трое их поселилось.

– И все трое лёгчики? И все в туфельках ходят? – я глупо продолжал шутить.

– Этакво Лёньку-то, тихушника такого, не найти больше. Кто мне трёшку в месяц теперь давать будет?

Да, бабушка права – такого не найти. Кто теперь по радиотехнике консультировать будет? Кто теперь поможет собрать и настроить радиопередатчик коротковолновика-любителя? Жалко! В радиоклубе это на год затянется. Конечно, без радиоклуба регистрацию передатчика мне тоже не получить.

– Что, допекают новые соседи? – продолжил я диалог с бабусей.

– Нет. Их дома то не бывает. Сам-то всё в полётах. Побудет дома два-три дня, и опять, не меньше чем на неделю. По всей стране летает. Таня тоже по какому-то «скользкому» правилу работает. То на сутки уходит. То по двенадцать часов. Выходные посередине недели бывают. Сынишку вот надесь Саша к матери в деревню увёз. В школу пойдёт нынче. Танюшка на сутки ушла. Тебе, поди, попалась во дворе.

С коих пор бабуся соседок уменьшительно-ласкательно стала навеличивать? Что-то невероятное!

– Ну вот, опять повезло тебе! Что за скользкое правило? – я засмеялся.

– Ага, Таня то всё драит и драит. Чё унитаза чистить всё время? Ох и чистюля. И так всё блестит как у кота ..., – прервала свои размышления бабуся.

Эта фраза всё поставила на свои места. Бабушка рада соседке-чистюле. Потому и Танюшка. А не Танька.

- Я заржал!
- Договаривай уж! Охальница, – продолжал я подтрунивать над бабушкой.
- Есть с дороги-то хочешь, а?
- Молоко есть? – поворачиваюсь, а бабуся уже улетучилась.

Разложил вещи. Теперь на всё лето эта комната будет моя.

На тумбе, типа комода, стоял мой раритет: телевизор КВН-49. Первый массовый телевизор в СССР.

Телевизор покупал мой отец в складчину с дедом. Сам ящик телевизора здоровенный, а экранчик малюсенький – диагональ всего восемнадцать сантиметров. И огромная линза для увеличения размера экрана.

Телевизор, благодаря моим познаниям в радиотехнике и неоценимой помощи бывшего соседа, был «жив». Только смотреть его надо было в темноте. Яркость экрана была очень низкой из-за того, что выгорел люминофорный слой экрана.

Дверь в комнату приоткрылась, опускаю взгляд вниз двери – там морда кота. Смотрит мне прямо в глаза.

– Яцек, ты что ли? Ну и рожу ты наел себе!

Кот вальяжно подошёл ко мне. Узнал. Давай тереться ухом о мою ногу.

– Он! Кто ж ещё-то? – отозвалась вместо кота за дверью бабуся, – стащил вчера у новых-то соседей кусок мяса, злыдень. Всё нажраться не может. Уж всех голубей во дворе перевёл. Гад, ловит их и домой жрать тащит. Поганые голуби-то, на помойках пасутся, а он их в дом тащит. Окно в кухню всё время открыто. Только и делаю, что перья в коридоре убираю. Да окно на кухне постоянно мою. Перед соседями неудобно за этого засранца. Ладно хоть в доме не гадит. А то бы я ему...

– Они не против, что кот в доме? – прервал я воинственный настрой бабушки.

– Да нет! Лёшка с ним играет. Этому, ведь, коню побегать да попрыгать за бумажкой на верёвочке. Лёшка тут золотнику от конфетки привязал, так мохнорылый чуть с ума не сошёл. Ох и носился. Они там так хохотали. Нет, вроде, не против кота. Кормят. С Лёньки-то фиг чё получал. Куска хлеба у него не всегда найдёшь.

Про кота бабуся могла говорить подолгу. Кот был очень крупный. Весил килограммов семь. Как-то бабуся, удивляясь его размерам, запихала его в авоську и взвесила безменом. Шести килограммовой шкалы этих хозяйственных весов не хватило – весы зашкалили!

– Иди-ка молочка с булочкой перекуси. К обеду супчик сварю. Картошки тебе нажарю.

Я вошёл в её комнату. Бабушка шила. На столе стояла швейная машинка, недошитый халатик лежал на столе. Маленький. Точнее, не очень больших размеров.

Бабуся обшивала весь ближайший околоток. Клиентами её были в основном крупногабаритные бабы. На таких «бомб» в магазине халатик-то купить было трудно. Одну соседку из подъезда я за глаза так и звал – Тонька-бочка!

Такса у бабуся была стабильная: трёшка – халатик, пятёрка – платье.

Я устроился.

Вот и встреча с друзьями. И всё как обычно. Только Олю ещё не видел. А сам не решился к ней зайти. Разволновался немного.

Вечером увиделся со своим старшим другом. Толян! Он был старше меня. Он уже отслужил в стройбате. А за плечами, вдобавок, была детская колония. Руки в наколках, какие-то колечки на пальцах выколоты. Толян объяснял, что эти колечки означают ходку на малолетку. Драчун – в смысле, что умел драться отменно, при этом не задира, но охальник и скверно-

слов, каких поискать надо. Конечно, выпивал. Работал электромонтёром. Специальность эту в армии получил.

Толян – это человек, с которым можно пойти в разведку. Не знаю, но почему-то он с уважением относился ко мне. Как-то так получилось. Бабушка не одобряла мою дружбу с ним и за глаза называла его бандитом. Даже побаивалась его. Но с родителями Толяна была в дружбе. И я знаю, что бабуся они тоже очень уважали.

Я тоже похулиганить был не прочь. Так – для бравады! Толян сгонял в магазин, притащил «бомбу». Так называли бутылки 0,8 литра с дешёвым вином «Волжское». Какая, всё же, это была отравка!

Ещё на хвост сел парень из соседнего подъезда. Засели в сарае и напились, точнее – я напился. Мне то, понятно, много ещё не надо было. Быстро закосел.

Домой вернулся втихушку. Дома – никого, тишина. Вспомнил: бабушка всегда на два-три месяца летом устраивалась сторожихой в хлебный магазин. Там не столько сторожила: главное дело – это принять ночную хлебовозку. И, край, в семь тридцать утра, она уже могла быть дома. Если, конечно, с кем-нибудь языком не зацепится во дворе. Обычно это была дворничиха. Уходила бабуся на работу к восьми вечера. Работала без выходных. Говорила, что зимой отоспится.

Я лёг. Затошнило. Сходил, слил излишки. Стало легче. Уснул.

Утром проснулся часов в десять, а может и позже.

– Виталька, ты чё, опять напился с Толькой вчера? Перегаром-то вон чё прёт в комнате, – это вместо приветствия начала бабуся утренний диалог.

Бабушка ворчала, что опять я с Толькой снюхался. Что опять по сараям буду торчать со своим дружками. И что рожи-то у нас с Толькой бессовестные.

– Вот, Виталька, скажи мне – кто твой друг? Ты своего Тольку назовёшь! А он – бандит. Значит и ты бандит. Весь двор в страхе держите, – с сарказмом закончила бабушка выкладывать логическую цепочку.

Это уж было чересчур – бабуся несло «по-чёрному». Она немного преувеличивала, что только и буду прожигать жизнь в увеселениях. За лето я два раза окучивал три сотки картошки, которую высаживали в поле. И тот же Толян не раз помогал. Он тоже работал, как сказала бабушка по скользкому правилу. Так она называла скользкий график работы. И потому, томясь от безделья, когда выходные выпадали на будние дни, помогал мне. При необходимости – и я ему. А ещё чистили овощную яму, ремонтировали её. Да мало ли по дому дел было. Даже бабушкину машинку швейную настраивал. Знал я, как это делать по учебнику для профтехучилища.

Когда-то Толян научил меня драться. Драться так, как дерётся отборная шпана. Я сам его попросил. Ибо тяжело было вливаться в пацанскую жизнь в том элитном посёлке. Элитный, а нравы, как в деревне. Я года полтора был чуть не изгоем. Чужак – одно слово. Недели не проходило, чтобы с кем-нибудь да не сцепится.

Вообще-то, драться я умел – живя в бараке без этого никак нельзя. Но в бараках были честные драки. До первой крови! И никто и никогда несмел добивать проигравшего в драке. У меня тактика страдала – я никогда не бил первым. Всё ждал, когда меня разозлит пропущенный удар. И это было не правильно.

В зимние каникулы, когда ещё учился в седьмом классе, я обратился к Толяну за помощью.

Две недели за сараями «чистили» с Толяном друг другу морды. Дрались по-настоящему. Толян сказал, что имитировать драку, смысла нет. Надо зло и ловкость в себе развить, неожиданность и вероломство, бить наверняка, наповал.

А ещё сказал, что надо вовремя «свинчивать», пока от вероломства «козлы» не очухаются. Сказал, что «не запахло» и вовремя «ноги сделать», против толпы всё равно не устоять. Если против двух-трёх, то ещё, куда ни шло.

Когда у Толяна после пары очередных потасовок засиял фонарь под глазом и уже не заживали разбитые губы, он сказал:

– Ну, всё, хватит. Дальше отрабатывай сам на других. Главное, Виталька, ты удар стал держать, и прыти в тебе добавилось. Действуй, как я учил. Главное – не уходи сразу в глубокую оборону. Почувствовал, что будут бить, бей первым. Бей так, чтобы «козёл» был «отключён», хоть на минуту. А сам успевай. Но сам никогда не задирайся.

Вообще то, приведённые выше фразы были сдобрены русскими ядрёными словечками.

Морда моя тоже уже была вся в синяках. Мать только ахнула, увидев меня, когда я вернулся с каникул. Будто раньше не замечала, что всё время ходил с разбитой рожей. Правда, я не имел привычки жаловаться.

Уже в феврале показал своим обидчикам. Действовал, как Толян учил. Пред двумя ублюдками я не занял глубокую оборону, а вероломно с первого удара сбил с ног одного и успел разбить нос второму. Первый пытался подняться, грозил размазать меня, но получил пинок в лицо. Наверно, это было излишне.

Удачно начатый отпор вдохновил меня, и я вошёл в раж. Разумеется, что морду мне тогда тоже начистили. Я тоже хорошо получил. Ведь подключились набежавшие дружки. Нас разняли.

Мужик, который нас разнимал, сказал, что нельзя так жестоко бить. Но спросил, кто научил. Я специально сказал, что друг с зоны пришёл, он и научил так драться и хлётко бить. Мужик у я тому благодарен, что разнял нас. Ведь я, руководствуясь советами Толяна, уже было собрался сбежать с поля боя. Но остался. Я считал тогда, что физическая и моральная победа была на моей стороне. Но я бы точно и не устоял, забили бы меня всё равно, если б нас не разняли.

На льду остались пятна крови. У меня два фонаря под глазами и опухший нос, разбитые губы.

Стычка на катке началась прилюдно. Наблюдателей было много. Авторитет как-то разом пришёл. Больше не пытались лезть.

Я до сих пор задаю себе вопрос:

– А что, так слепы были учителя в школе? Они что, не видели мою разбитую морду. И не только мою? И никто не поинтересовался!

Школа была с высоким статусом. С уклоном на английский язык. В социальных сетях нет-нет, да и появляется коллективная фотография учителей той школы. И надпись: – «Золотой педагогический состав». В школе натуральный бандитизм процветал, а они ничего не видели. Фальшивое золото.

Из всех учителей моих, у которых учился, только и могу выделить трёх педагогов: это преподаватель математики, химии и физики (мужчина). Все они в разное время были и моими классными руководителями. Я всю жизнь благодарен им за те знания, которые эти прекрасные преподаватели вложили в мои мозги.

Уроки Толяна по жизни мне тоже очень пригодились. Осознание того, что можешь дать отпор, давало ощущение свободы и уверенности в себе. Парень должен уметь постоять за себя.

Глава 1.2

Понеслись летние деньки. Новых соседей я так ещё и не видел.

Я теперь точно знаю, что это была пятница, 23 июня. Толян в тот день с работы пришёл слегка поддатый. Около восьми вечера собрались во дворе.

Дом наш угловой и был буквой «Г». Со стороны двора часть дома размещалась напротив скамейки соседнего подъезда. С балкона, метрах в пятнадцати от скамейки, за нами часто любила наблюдать Оля – та девочка, с которой я крепко дружил с первого класса.

Я вынес гитару. Пели Высоцкого. Толян «тащился» от песенок типа «Зэка Васильев и Петров зэка».

Песен Высоцкого я уже знал море. На все случаи жизни. И уже став взрослым, я оценил его, как поэта, как человека с огромнейшим кругозором, очень талантливым и начитанным. По владению словом Владимира Семёновича Высоцкого я ставлю наряду с Маяковским В. В.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.